***Н.А. Михальчук** (г. Могилев, Беларусь)*

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭМЫ А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ» В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ: ОБРАЗ ХРИСТА В ПОЭМЕ

На уроке в средней школе, посвященном изучению поэмы А. Блока «Двенадцать», следует уделить особое внимание вопросу отношения Блока к событиям Октября, а также мировоззрению поэта в целом и, в особенности, в период октябрьской революции.

Одна из самых распространенных ошибок, которая допускается при изучении «Двенадцати», – рассмотрение поэмы вне контекста мироощущения Блока 1917 – 1918 гг. Без знания мировоззрения Блока невозможно постичь идейное содержание поэмы и приблизиться к авторскому замыслу при ее интерпретации.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

С другой стороны, в средне-образовательной школе долгое время о поэме «Двенадцать» говорили только как о «революционном» произведении, словно забывая о том, что Блок в своем творчестве никогда вплотную не приближался к политике. Восторженное приветствие событий Октября у него – прежде всего, окрыленная встреча начала новой жизни, нового мира, новой эры. На протяжении века сотни раз критики и литературоведы повторяли, что «Двенадцать» – это канун, рубеж, полночь.

Внешне это действительно произведение историческое, однако история отступает в поэме перед мифом. Как пишет К. Азадовский, «Двенадцать» – блоковский, и не только блоковский, романтический миф о торжестве иррационального начала, о неотвратимой гибели «гуманистической» культуры и личности перед натиском «массы», апофеоз торжествующей и неудержимо влекущей «стихии» < ...> ».

Поэма «Двенадцать» – итог сокровенных мыслей Блока о народе и интеллигенции, об определяющей роли народа в истории, а также раздумий, относящихся к более позднему времени, – о роли народа в рождении «новой жизни» «музыки и света» будущего. Именно о «Двенадцати» поэт скажет как о своем вершинном произведении.

Задача учителя нам видится в том, чтобы помочь школьникам постичь подлинный, общечеловеческий, вневременной смысл произведения.

Литература о поэме велика, о ней в разное время писали Г. Иванов, о. Сергий Булгаков, Л. Гумилев, Ю.М. Лотман, Б.М. Гаспаров, Г. Померанц, др. Концепции литературоведов последних пятидесяти лет отчетливо противостоят друг другу, споры о поэме не утихают по сей день, организуются «конференц-залы», «круглые столы». Учителю сегодня, несомненно, трудно не потеряться в этом изобилии литературы и выработать более или менее четкую линию анализа произведения.

Вопросы, которые непременно встают перед учителем-словесником, готовящимся к уроку по поэме «Двенадцать»: как следует понимать финал «Двенадцати»? Кто является в поэме в канун, на пороге «новой эры»? Что побудило Блока поставить во главе отряда красногвардейцев Христа?

Как известно, сам поэт писал, что ему пришлось, вопреки своей воле, «нехотя, скрепя сердце... поставить Христа». Также сохранились и такие его раздумья о поэме: «страшно, что опять Он», «надо, чтобы шел Другой». О том, кто этот Другой, исследователи высказывали разные мнения: «Святой Дух» (Л. Розенблюм), «антихрист» (А. Якобсон).

Одна из литературных традиций, получивших распространение, толкует Христа финала «Двенадцати» как жертвенную личность, которая идет на смерть ради обновления жизни (З.Г. Минц). Аскетический идеал жертвенного героя свойственен всему зрелому творчеству Блока, появление таких личностей поэт видел одним из способов преодоления «страшного мира». Как видим, такая версия финала «Двенадцати» делает его органически связанным со всем творческим наследием поэта.

Г. Померанц называл введение в финал поэмы Христа «духовной неточностью»; о «пределе и завершении блоковского демонизма» в «Двенадцати» писал Павел Флоренский.

Для подготовки к уроку рекомендуем обратиться к статье

Л. Розенблюм «Да. Так диктует вдохновенье...». Явление Христа в поэме Блока «Двенадцать». Ее автор блестяще показывает органичность финала

Электронная библиотека МГУ имени А.А. Кулешова

«Двенадцати» и дает ответы на многие неоднозначные вопросы, связанные с поэмой.

Л. Розенблюм отмечает, что Христос в поэме – образ-символ грандиозного масштаба. Безусловно, столь масштабный образ оставляет немалое пространство для споров и разночтений. Исследователь полагает, что неудовлетворенность самого Блока появлением Христа в финале становится понятной, если вспомнить о его мировоззрении периода написания «Двенадцати», о концепции «кризиса гуманизма», сложившейся у поэта к этому времени

Революционные события в России Блок воспринимал как начало новой эры. Прежняя цивилизация, и, вместе с ней, ее государственность, религия уходили в прошлое, гибли под мощным напором движения народных масс. Эпоха христианского гуманизма и гуманистическая цивилизация виделись поэту в то время несостоятельными, изжившими себя. В 1919 г. он даже заговорит о «новом гуманизме», который в борьбе со старым порождает новую личность. Появление Христа в финале поэмы, считает исследователь, отчетливо выпадало из концепции «антигуманизма», которая вызрела к тому времени у поэта. И все-таки, образ, который был продиктован вдохновением и «привиделся» Блоку в снежную ночь, казался ему непреложным и единственно глубоким и правдивым решением для финала «Двенадцати».

Образ Бога, выводящего измученных людей к новой жизни, по мнению Л. Розенблюм, Блок мог почерпнуть из Ветхого Завета, книги «Исход»: известно, что этот эпизод запечатлелся в его памяти с молодых лет.

Что подразумевал Блок, когда писал о том, что на месте Христа должен быть «Другой»? Л. Розенблюм отвергает версию В. Орлова, считавшего, что Христос в современном Блоку истолковании («орудие поповщины») не может освящать революцию. Не соглашается ученый и с утверждением А. Якобсона о том, что Другой – это «намек на Антихриста». Она предполагает, что «Другой» у Блока – это «Дух святой, Дух истины, третья ипостась Божественной Троицы».

Еще в начале 1900 г. Блок думал об образе «Другого Утешителя», которого Христос посылает человечеству вместо Себя. Имеются сведения о том, что поэта интересовал этот евангельский эпизод, он даже делал особые пометки в соответствующем месте в Библии. Образ «Другого Утешителя» фигурирует в рецензии Блока на книгу Н. Минского, в статье «Безвременье».

Тем не менее, Блок отказался от мысли о «Другом». Произошло это, на наш взгляд, потому, что именно Христос на современном поэту витке истории был неразделен с чаяниями народа, его судьбой. Христос финала поэмы – истинно народный Бог, Бог тех, кто должен был стать творцом мира будущего, новой культуры.

Интересная версия финала поэмы «Двенадцать» принадлежит

В.М. Жирмундскому. Ученый считает, что поэма повествует о «религиозной трагедии» ее двенадцати персонажей и всей России, а также являет собой завершение «религиозной трагедии» самого А. Блока.

Герои поэмы не пришли к Христу, но вспоминают о нем на протяжении всего повествования, он их «зовет». Расплата за кровь, злобу и ожесточенный бунт – отчаяние, сердечная боль. Неосуществленная потребность в спасении души накапливается, мучит героев. Так было отчасти и с самим А. Блоком. Видение Христа в финале поэмы, по мысли ученого, – утверждение возможности этого спасения, далекой мерцающей надежды.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Крайне примечателен «взгляд из 21 века» на финал поэмы. Остановимся на тех точках зрения, которые, на наш взгляд, представляют для учителя словесности наибольший интерес.

Выдающийся русский филолог, историк культуры С. Аверинцев считает, что у поэта не было «однозначной идеологической позиции» в 10-ые годы, его отношение к происходящему предполагало известную долю сомнений. Строку «в белом венчике из роз» С. Аверинцев отсылает к тексту Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», подчеркивая ницшеанский мировоззренческий фон творчества Блока, определенный до большой степени контекстом культуры его времени.

К. Азадовский пишет, что идейный смысл произведения напрямую связан с трагическим дуализмом творческого сознания художника. Ранний цикл «Стихи о Прекрасной Даме» соединяет в себе противоположные полюса: высокое и низкое, религиозность и чувственность. Так же и поэма «Двенадцать» в характерном для Блока духе соединяет святость и святотатство.

По мнению Н. Богомолова, Христос – символ христианской эры, которой приходит конец на пороге конца старого мира и начала нового.

А. Лавров видит Христа в финале поэмы вне связи с действительностью, которая воспроизводится в произведении. По мнению ученого, этот образ до большой степени необязателен и лишь придает изображаемому мистериальный смысл, возникает как символ новой эры.

Н. Котрелев, приближаясь в толковании финала поэмы к точке зрения, высказанной С. Аверинцевым, подчеркивает антихристианскую окраску творческого наследия Блока. Христос финала поэмы – это не Иисус Христос Писания и Предания, а намеренно противопоставленный ему «народный, заповедный Иисус» (по словам С. Аверинцева, «скитский сжигающий Христос народных ересей»).

С. Лесневский, напротив, вслед за В. Жирмундским акцентирует религиозную доминанту поэмы. На протяжении всего повествования подчеркивается враждебность красноармейцев Христу: они отделены от него, ибо идут «без имени святого», «без креста», им «ничего не жаль», они готовы «пальнуть» в Святую Русь. Тем не менее, жажда спасти душу в будущем приведет их к Христу – это запечатлено в последних словах поэмы: «Впереди – Иисус Христос». Исследователь говорит о связи образа Христа в поэме с реальной личностью – другом Блока Е. Ивановым, вера которого долгие годы ярко и живо напоминала поэту о Христе. Лесневский называет Евгения Павловича «соавтором поэмы».

Зоркое исследование и тонкие наблюдения над финалом поэмы

С. Лесневского несут открытие в финале нравственного, гуманистического начала, выход к духовной перспективе, столь необходимые человеку «на рубеже двух веков и двух тысячелетий от Рождества Христова».

Литература

1. Александр Блок Собрание сочинений в шести томах. – Л., 1980.
2. Розенблюм Л. «Да, так диктует вдохновенье...». Явление Христа в поэме А. Блока «Двенадцать» // Вопросы литературы – 1994. – № 6. – С. 146.
3. А. Якобсон. Конец трагедии. – Вильнюс-Москва, 1992.
4. Минц З.Г. Поэтика Александра Блока. – СПб.: Искусство-СПБ, 1999.
5. Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 года // Знамя. – 2000. – №11.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова